

В журналах:

Волга

новый мир

ЗИЛЯ

АЗЕРБАЙДЖАН

ПРОЗА

ДНІПРО

**НАУКА
И
РЕЛИГИЯ**

Источник: Варламова И. Любовь и ненависть Дюшки Тягунова / И. Варламова // Литературное обозрение. – 1973. – № 5. – С. 47-48.

И. Варламова

**ЛЮБОВЬ
И НЕНАВИСТЬ
ДЮШКИ
ТЯГУНОВА**

В. ТЕНДРЯКОВ.— ВЕСЕННИЕ ПЕРЕВЕРТЫШИ. Повесть. «Новый мир», 1973, № 1.

Почти одновременно опубликованы две повести В. Тендрякова (одна в «Новом мире», другая в «Нашем современнике» № 2), в которых явственно звучит общая для них обеих и, видимо, сильно заботящая писателя мысль: кто или что мешает счастью людей? В повести «Три мешка сорной пшеницы» председатель Кисловского сельсовета,

инвалид войны Кистерев говорит, что страдает не от увечья, не от пулю, засевших у него где-то под сердцем, а болен «ненавистью... к тем, кто мешает жить». Он в конце концов и умирает от этой своей ненависти — на ходу, на бегу, — словно воин, сраженный на поле боя. И маленький Дюшка из «Весенних перевертышей» тоже всеми фибрками души ненавидит Саньку Ераку, «мешающего жить на свете». Однажды он спрашивает отца: «Неужели Саньке будет хорошо, когда он вырастет?» И добавляет: «Если Саньке хорошо, мне, пап, будет плохо».

Положительные герои В. Тендрякова никак не желают мириться со злом. И, несмотря на то, что одному из милых сердцу писателя борцов, а именно Дюшке, всего лишь тринадцать лет, мальчик не идет на сделку со своей совестью, ибо, по мысли В. Тендрякова, вопрос стоит только так: мирное сосуществование со злом невозможно, более того, преступно. Преступна самая идея какого бы то ни было компромисса.

Внешние, пусть даже очень тяжелые обстоятельства жизни сами по себе не страшат героев В. Тендрякова. Нищету, голод, холод, физическую боль они переносят стойко. Но их отращивает воинствующая бездуховность, чаща всего выражаяющаяся в жестокости, абсолютной глухоте ума и сердца, неуважении к человеческому достоинству и общении с себе подобными исключительно

«с позиции силы». Причем не так уж и важно, каким способом эти люди присваивают себе «унтерпришибеевское» право угрожать и командовать, кого-то карать и перемалывать чужие судьбы. Порой в ощущении этого своего права их укрепляет узколобое понимание категории «пользы», которую они якобы призваны блюсти, а порой — хорошо развитые мускулы или вовремя пущенный в ход нож.

В. Тендрякова интересует не только проблема зла, но и добра как его антитезы. В обеих повестях есть вот такие, по всем статьям добрые литературные герои — отец Дюшкого друга Миньки, «хронический неудачник» Никита Богатов и деревенский праведник, председатель колхоза «Красная нива» Адриан Фомич Глушев. И тот и другой — прекрасные, честные, чистые душой люди, но они не борцы, они жертвы. И «жертвеннное» их предопределение несет в себе зерно зла, поскольку вольно или невольно ему потворствует. К тому же несчастье, робость, безответность, неспособность к сопротивлению заразительны и опасны. Нет, всем ходом художнической логики утверждает В. Тендряков: только драться, в кровь, насмерть, как Дюшка в «Весенних перевертышах», как Кистерев и Женяка Тулупов в «Трех мешках сорной пшеницы», и зло отступит.

Итак, «Весенние перевертывши» — непосредственный объект

ператив, созданный приспособленцами, которые используют предоставленные им возможности для личного обогащения) и яркие персонажи — несомненные достоинства книги.

Образ Диодова — «Теоретика» — центральный в повести. Диодов процветает, подводя «теоретический фундамент» под стяжательство при социализме. Поскольку отмены личной собственности не предвидится, полагает он, нужно уметь пользоваться теми благами, которые даются «умному частнику» Советской властью.

Омерзительный Теоретик, разумеется, крупнее, чем фигуры простых потребителей, он и действует неподсудно, как бы из-за кулис, он «только» дает советы и рецепты, сам же неуязвим с точки зрения закона.

Остал Бендер потому, что был хоть и умен, и хитер, и смешлен, и остроумен, но по-своему прекраснодушен, был, по сути, комбинатором-утопистом. На смену ему пришли жестокие стяжатели, умудренные опытом борьбы с милицией и общественностью и научившиеся ловко маскироваться. Они заявляют с веселым смехом: «Бендер был дураком — не знал, что делать с миллионом. Сейчас это знает каждый!»

Теоретик из «Галаховки» — зловещая фигура. Он лектор-общественник, ему известна сила демагогии. У него безукоризненная общественная репутация и нелегальные доходы, которые ни под одну из статей уголовного кодекса не подходят.

Образ непойманного вора, циника, уверенного в своей безнаказанности, весьма убедителен. В повести звучит прямой призыв к борьбе с этим серьезным внутренним врагом.

У СПЕХИ сатирической и юмористической прозы 1972 года очевидны. Укрупнились темы (ведь не так давно из сатирических пушек велась стрельба в основном по управдомам-хапугам, алчным слесарям-водопроводчикам, нерадивым парикмахерам), углубилось проникновение в жизнь, повысилось авторское мастерство.

Но, разумеется, и претензий к мастерам «веселого цеха» все еще немало.

Прежде всего: где же долгожданный положительный герой?

Иложу свою точку зрения.

Теория сатиры утверждает, что персонифицированный положительный герой не так уж и обязательен. Н. В. Гоголь, например, называл обличительный смех своим положительным героем. Закономерно? Да. Распространен в сатире и прием, тоже законный прием, «фонирования» — когда действия отрицательных персонажей происходят на «положительном» фоне.

Сейчас сатирические персонажи стали весомее, яр-

че, поэтому, как никогда, остро чувствуется отсутствие противостоящего им положительного героя. Ведь только в борьбе большого накала, в борьбе с достойным противником может выявиться настоящий характер. И ныне, когда сатирики взяли под прицел важные, идеино-принципиальные проблемы, его рождение, по-моему, особенно важно.

Пожалуй, только Георгий Лукин (из повести Евгения Дубровина) может пока претендовать на титул положительного героя сатирического произведения. Он убедительно — не на словах, а на деле — доказывает, что советский человек в любых обстоятельствах всегда должен помнить, что он СОВЕТСКИЙ, и ни на йоту не отступать от своих убеждений.

Думаю, сатирикам и юмористам смелее следует браться за новые темы, не только разоблачать отжившее, но и весело, остроумно поддерживать новое и ценное.

Нельзя забывать и о поисках новых форм. Такие поиски ведутся повсеместно и довольно активно. Опубликованы уже и кинороманы, и романы-водевили, и даже роман-ревю («Звенил-поэт» Т. Калласа, Таллин, 1972). Опыт, накопленный советскими сатирикой и юмором, позволяет говорить о необходимости самых смелых экспериментов. Однако масштабность формы, сюжетную полифонию еще редко и робко используют мастера веселого цеха. За последние годы был сделан лишь один «рывок в неизданное»: украинский писатель Александр Ильченко написал комическую эпопею «Казацкому роду нет переводу, или Мамай и огонь-молодица». Характерно авторское определение жанра этого многотомного произведения: «Украинский озорной роман из народных уст». (Он создавался — с перерывами — три десятка лет, второй его том до сей поры еще на русском языке не появился.)

Это произведение «многожанровое». Комический плутовской сюжет включает в себя элементы приключенческого романа и элементы лирико-романтические, авантюрные и бытовые эпизоды. Лихо соседствует на страницах эпопеи озорной народный юмор — байки, присказки, стихи, песни, фольклор запорожских казаков — с пародией, язвительной сатирикой, лирикой. Языковое многообразие этой эпопеи неисчерпаемо...

Плодотворность творческого использования фольклорных форм и традиций, мотивов народной сатиры и юмора очевидна.

Н А ПУТИ к читателю немало уже написанных и ждущих публикаций крупных сатирических и юмористических произведений. Произведений, созданных и русскими писателями и писателями братских республик. Наверное, сатирическая и юмористическая нива 1973 года будет еще обильнее, нежели в прошедшем году. Да будет так!

|||||||||| КОРОТКО О КНИГАХ|||||||

А. ШЕВЧЕНКО. ПО ЛЕСНЫМ ТРОПАМ. Очерки и рассказы. Лениздат, 1973.

«Колыбель человечества стояла на опушке леса...» Эта фраза, когда-то услышанная, не случайно запомнилась автору. За долгие годы жизни он вдоль и поперек исходил леса своего края. Прекрасно знает их богатства; и звери, теперь уже немногочисленные, и бесчисленные птицы, и вся речная живность для него — старые и добрые знакомые. О каждом из лесных обитателей ему есть что рассказать.

Охотник и рыболов. А. Шевченко меньше всего пишет об охоте и рыбной ловле, как таковых. В своих рассказах-миниатюрах он стремится показать красоту и многообразие природы, описывает повадки зверей и птиц, удивительные подробности лесной жизни. «Плотник — строить охотник», «По перу — сова, по стати — ласточка», «Ловец, каких мало», «Смыслен», «Дока на доку напал», «Наши пострел везде поспел» — характерны сами названия рассказов А. Шевченко. Описывая повадки зверей и птиц, автор выделяет те черты, которые

отличают их от всех остальных сородичей. И к каждому у него свое отношение: «Презентные птахи снегирь со снегиркой»; «Что бы там ни говорили, а енот — пакостливейший хищник. Трудно найти зверя вреднее в лесу»; «Залюбившись глухарем — украшением лужских лесов»...

Многие страницы книги посвящены товарищам автора, вместе с которыми проводил он охотничью зорю. Старейшие гатчинские егеря, заядлые любители подледного лова, лесники — все они могут служить примером любви к родной природе, бережного к ней отношения.